Наша Газета
nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Жак Медер: «Сон смешного человека» как завещание Достоевского | Jacques Maeder: «Le rêve d’un homme ridicule» comme le testament de Dostoïevski

Auteur: Надежда Сикорская, Женева , 25.04.2018.

Актер и режиссер Жак Медер (© Nashagazeta.ch)

С 5 по 16 мая на сцене женевского театра Alchimic можно будет увидеть моноспектакль по рассказу русского классика и вновь оценить качество перевода Андре Марковича.

|

Un récit du grand écrivain russe dans un one-man-show sera présenté au Théâtre Alchimic de Genève du 5 au 16 mai. Une belle occasion d’admirer également la qualité de traduction d’André Markowitz.

Jacques Maeder: «Le rêve d’un homme ridicule» comme le testament de Dostoïevski

Наши постоянные читатели знают, что в текущем сезоне маленький женевский театр трижды обращался к русской тематике – с пьесой о Ленине Доминика Зиглера, с кукольной адаптацией Сирила Кайзера чеховского «Медведя» и вот теперь со сценической версией рассказа Ф. М. Достоевского.

Ее автор и исполнитель Жак Медер работал со многими режиссерами в Швейцарии, Франции и Бельгии. Своим моноспектаклем, намеренно лишенным броских внешних эффектов, Жак Медер хочет словами русского писателя сказать, что «прыгнуть выше головы возможно».

Наша Газета: Жак, стала ли работа над этим спектаклем Вашей первой встречей с русской литературой?

Нет, но встреча с текстом Достоевского стала для меня судьбоносной. А началось все с чтения сочинений Льва Шестова – именно он открыл для меня Достоевского. Затем я познакомился, в Польше, с российским режиссером Евгением Кориным, который руководил театром в Познани. Вместе с ним мы задумали адаптировать и поставить в Швейцарии один из текстов Достоевского, Корин предложил «Преступление и наказание». Спектакль, получивший название «Сон», шел в разных городах Швейцарии в течение двух лет и имел огромный успех. Я играл Порфирия. Меня поразила реакция самых простых людей, проникавшихся Достоевским. Секрет его великого романа в том, что, параллельно с детективной историей, он исследует глубины человеческой души, и в этом исследовании каждый находит что-то «свое». Уже в первом романе, «Бедные люди», Макар Девушкин говорит, что не хочет походить на один из персонажей Гоголя, каждый из которых четко очерчен автором и предсказуем. Достоевский же следует за своими персонажами, до конца не зная, куда они его приведут. Посмотрите на князя Мышкина – он беспомощен, он покоряется окружающим. В «Сне смешного человека» Достоевский, фигурально выражаясь, выходит из подвала.

Что Вы имеете в виду?

Всю свою жизнь Достоевский стремился к свету. Этот свет озарил его в тот момент, когда смертная казнь была заменена для него каторгой. Известно, что тогда, увидев сверкавшие на солнце купола церкви, он подумал: «Вот она, жизнь!» В поисках света, он всегда ставил своих персонажей в ситуации, когда они оказывались под влиянием идеи, идеологии, общественного положения – всего того, что мешает обрести Свет. Для меня «Сон смешного человека» - это завещание Достоевского.

Оказавшись на каторге, в ужасных условиях и в полном отчаянии, он вспоминал эпизод из детства, когда, заблудившись в лесу и испугавшись волков, он был спасен и приласкан крестьянином. Достоевский решил тогда, что уже ради одного этого

светлого момента ему следует выжить. И он выжил. Вернувшись с каторги, он нашел изменившуюся России: крепостное право отменено, наступает капитализм, переживает трансформацию система правосудия. Что-то Достоевский принимает, что-то нет.

В наше перенасыщенное информацией время, что Вы хотите сказать публике, предлагая ей этот текст?

Я хочу сказать ей, что прыгнуть выше головы возможно. Как говорил Шекспир, которого Достоевский считал пророком в литературе, мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем могли бы быть. Я читал этот текст перед разными аудиториями – и перед пожилыми людьми, и перед молодыми. Никто никогда не оставался равнодушным.

Но вы правы: сегодня, в век атеизма с одной стороны и религиозного фанатизма с другой, с подобным текстом надо проявлять известную осторожность.

Многие считают Достоевского сложным писателем, а я его литературный стиль – тяжелым. Как Вы работали над текстом? Общались ли с Андре Марковичем, чей перевод использовали?

Я познакомился с Андре Марковичем, еще когда работал с Евгением Кориным над «Преступлением и наказанием». В случае со «Сном» я работал в одиночку.

Не тяжело работать одному?

Ничуть! Впервые я представил этот текст в женевском театре Грютли, сделав театрализованную постановку. Теперь мне кажется, что чересчур театрализованную. А потом я читал «Сон» в Париже, просто читал, сидя на стуле. Как ни странно, реакция зрителей была еще сильнее. Такого, внешне простого похода я с тех пор и придерживаюсь. Но театр, конечно, присутствует – я вхожу в зал, как последний зритель, и рассказываю историю.

Думаете ли Вы, что любой человек, осмеливающийся мыслить не так, как окружающие, стремится к иному, прослывает «смешным», если не идиотом?

Увы, так случается часто. Да и Достоевский пережил нечто подобное: после успеха «Бедных людей» им был написан «Двойник», подвергшийся резкой критике. А ведь эта повесть – о каждом из нас, с нашими чаяниями и сомнениями. Мы видим мир и людей такими, какими они нам представляются, и восприятие у всех разное, а реальность – призрачна. Недаром Шекспир говорил, что «мы сотканы из ткани наших снов». Достоевский был мечтателем, утопистом и приходился не ко двору и славянофилам, и западникам.

Текст «Сна смешного человека» изначально должен был быть включен в «Братьев Карамазовых», но в итоге стал самостоятельным произведением. Его мало анализировали, считая второстепенным, и Лев Шестов – редкое исключение. Шестов говорил: если у вас случилось несчастье, не отчаивайтесь, не думайте о самоубийстве, а сядьте и изо всех сил сожмите руки…

Вас, как женевца, не задевает, что Достоевский так не любил Женеву, говорил, что «это ужас, а не город»?

Нет, я его простил (смеется). Действительно, Женева стала трагическим городом для писателя, ведь здесь умерла его дочь. А раздражало его здесь, правда, все: от отсутствия двойных окон в квартирах до суеты и торжеств по поводу инаугурации очередного фонтана. Конечно, размах у нас не тот! При этом и в Петербурге его не интересовала парадная сторона – он всегда стремился в бедные кварталы, к простым людям.

Доводилось ли Вам бывать в России, в русских театрах?

Я был в Москве в 1991 году, принимал участие в спектакле интернациональной труппы "Орестея" Эсхила, поставленном в Бергене (Норвегия) швейцарским режиссером Франсуа Рошэ и показанном в Театре на Таганке. Среди моих партнеров был прекрасный Игорь Костолевский.

Это был тяжелый для России момент, тем не менее театр каждый вечер был полон, и после представления люди дарили нам цветы! Вообще, меня поразила тогда публика: сразу было видно, что в зале – понимающие люди и их аплодисменты и комплименты (или их отсутствие) что-то значат.

«Сон смешного человека»: 5–16 мая 2018 г.
www.alchimic.ch

Женева
памятники культуры
достопримечательности швейцарии

Статьи по теме
Достоевский о Женеве: «Это ужас, а не город!»
Смешной Достоевский Франка Касторфа
«Вина и искупление» - спектакль в Schauspielhaus Цюрих по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»
О нелюбви Женевы к Достоевскому (Продолжение)
Память о Достоевском в Веве

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/zhak-meder-son-smeshnogo-cheloveka-kak-zaveshchanie-dostoevskogo